

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ПРАВО
БЕЗУМНОЙ НОЧИ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 54

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбьшева*
Иллюстрация на переплете *Ф. Барбьшева*

Полянская, Алла.
П 54 **Право безумной ночи** : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-74902-7

Ольга твердо решила свести счеты с жизнью. Все равно в ней нет никакого просвета: бесконечные проблемы дома и на работе, дети выросли, и она перестала быть им нужна, а самое главное — неожиданно настигшая ее несчастная любовь. Как она ни старалась, Виталий Марконов видел в ней всего лишь друга... От последнего шага вниз с моста ее удержал какой-то бородатый грубиян на внедорожнике. После этого Валера незаметно вошел в ее жизнь и легко справился со всеми проблемами. Вот только он не мог предвидеть, что в машину новой знакомой подбросят взрывчатку и погибнет главный бухгалтер фирмы, где она работала. А потом Ольгу еще раз попытались убить... Никто, кроме нее самой, не вправе определять, жить ей или умереть! Но как узнать, кто и почему на нее покушается? Она хотела разобраться во всем сама, как привыкла, однако у Валеры оказались на этот счет совсем другие планы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-74902-7

© Copyright © PR-Prime Company, 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Умирать от несчастной любви глупо. Особенно когда тебе под сорок, у тебя практически взрослые дети и есть какая-никакая карьера. Я знаю, что глупо, я знаю, что сказали бы друзья или знакомые, что подумают дети — если я буду такой дурой, что оставлю записку, где сообщу: мол, люблю Виталия Марконова, а он меня — нет, поскольку я выше его ростом и толстая, а он любит тощих. Да покажи мне такую предсмертную записку, я бы сама ржала, как стадо пожарников, до конца своих дней!

А потому я ничего писать не буду. Близнецы уже взрослые, обойдутся без меня. Я решу вопрос с квартирой, ну, и с прочими делами — и все, ребята, больше я в этой возне не участвую. Я устала тянуть этот воз, я устала быть одна и одна за все отвечать, я устала от того, что в моей жизни мне ни разу не попался нормальный мужик, а только неудачники, лодыри и ничтожества. И вот когда наконец он мне встретился — не неудачник, не лодырь и не ничтожество, то он со мной типа дружит. Потому что я здоровенная дылда с больной спиной, а не утонченная леди. Хотела бы я знать, как при такой рабочей нагрузке из меня можно сделать утонченную

леди. Вот, ташу из машины сумки на шестой без лифта этаж — мне нельзя поднимать более трех килограммов, спина болит зверски. Но ребята там жрать хотят уже небось, а мать, видите ли, страдает из-за несчастной любви. стыдно кому сказать — но реально я больше не могу этого терпеть.

— Мам, ну где ты ходишь? — Матвей берет у меня из рук сумку. — О, печенья не купила...

— Забыла.

— Ты ж еще не разделась — съезди.

— Да пошел ты...

Матвей остался стоять с открытым ртом, а я, сбросив туфли, бреду к себе в спальню. Боль в пояснице становится все сильнее, мне надо бы прилечь. Я очень люблю своих детей, но иногда меня достает то, что они относятся ко мне как к штатному повару, прачке, уборщице и говночерпю. И вот сегодня достало окончательно.

— Мам, а что кушать?

Это второй подал голос. Ну, ребята, ешьте что-нибудь, можете что-то сварить, а на меня больше не рассчитывайте, привыкайте сами заботиться о своем пропитании.

— Денис, кушать будете сегодня то, что сварили.

Мне вот любопытно: а когда я умру, они заметят мое отсутствие только по пустому холодильнику и отсутствию чистой одежды в шкафу?

— Дэн, иди сюда! Тут надо куки почистить, прежде чем грузить, а ты...

Все, я не слушаю. Мои дети-программисты, хоть еще и студенты, уже встряли в какую-то фирму, и в доме житья не стало от разговоров о... Бог знает, о чем эти разговоры, мне нет места на этом празднике жизни. Деньги они тратят на «железо» — их комната превращена в подобие склада компьютерной техники, и моя задача — не дать сыновьям пропасть с голоду. Но теперь я думаю о

своей рухнувшей жизни и о том, что я — плохая мать, наверное, если мои личные переживания для меня сейчас важнее интересов детей, но — так тому и быть. Да, важнее. Потому что я люблю Виталия, и надежды на взаимность у меня нет ни малейшей.

— Мам, дай пожрать, а?

Они похожи друг на друга как две половинки одной задницы — оба русоволосые, зеленоглазые, с прямыми бровями и пухлыми губами. Они оба похожи на Клима, но это все, в чем они на него похожи. Они — избалованные наглые сопляки, которые никогда не получали по морде. И это я их такими вырастила — все заботилась, чтоб им было не хуже, чем другим детям. Тем, у которых есть отцы.

— Я занята. Хотите пожрать — готовьте сами.

— Идем, Мэтт, у маман снова приступ буйства.

Переглянувшись, они исчезают у себя в комнате. Лет с четырнадцати они ведут против меня войну, мне уже кажется, что так было всегда — и победа много раз переходила из одного окопа в другой, с более или менее приемлемыми потерями, но война эта вымотала меня окончательно, а дети, похоже, только вошли во вкус.

И теперь на меня вдруг обрушилась любовь.

Абсолютно ненужная, нелогичная и всецело безответная, она упала мне на голову, как рояль на грузчика, и мне вдруг стала понятна моя жизнь — вернее то, что от нее осталось после смерти Клима. Работа, беготня с сумками и война с близнецами на фоне тотальнойготовки, уборки и перманентной стирки с глажкой. Это — моя жизнь последние восемнадцать лет. А Марконов ездит по миру, живет в Испании, у него шикарная квартира в центре Питера, такая же — в центре нашего города, где он почему-то предпочитает жить, у него большой бизнес, друзья-политики, приятели-миллионеры, и я совсем не вписываюсь ни в его жизнь, ни в его окружение,

ни в его постель, потому что, ко всем моим недостаткам, я ростом выше его и совсем не модельных параметров. И если размер своей задницы я еще могу изменить, то возраст и наличие полного загона в жизни, а тем более близнецов — нет.

И выхода нет.

Я устала быть сильной, граждане, так что отныне копайте погреб без меня. А я завтра решу вопрос с недвижимостью, распределю средства — и айда, на том конце тоннеля меня заждался Клим. С ним я мигом забуду Марконова.

Мой сотовый, похоже, пора бы утопить — у него есть идиотская манера звонить по ночам и что-то требовать от меня голосом шефа.

— Ольга Владимировна, я забыл вам сказать днем, но хорошо, что вспомнил сейчас — вы подготовьте мне на завтра документы по дистрибуции с «Селеной».

— Сейчас одиннадцатый час, Сергей Станиславович, и документы в офисе.

— Но у вас есть ключ. Мне эти документы нужны утром, к половине девятого.

Это мой шеф вспомнил, что не доделал днем. Я подозреваю, что он — вампир, но я-то пока нет. Впрочем, уже неактуально.

— И что?

— Вы же на машине, поезжайте в офис, я предупредил охрану, что вы приедете, и я хочу, чтобы все было готово к утру.

— А мне хочется спать, — все равно я собираюсь покончить с собой — заодно покончу и с этим говнюком. — И если вы до сих пор не знаете, что звонить людям среди ночи — дурной тон, то пора узнать, вы уже достаточно большой мальчик. А если учесть, что мой рабочий день уже закончен, то документы для вас я начну готовить завтра. И они будут готовы не к полови-

не девятого, а тогда, когда будут готовы, потому что по мановению волшебной палочки я ничего не делаю, это для вас новость?

— Ольга Владимировна, вы хорошо себя чувствуете?

— Как никогда. И если вы намекаете, что в моих услугах больше не нуждаетесь, то так тому и быть. Но я вам в рабы не нанималась, я финансовый аналитик, если вы забыли. Мой рабочий день и так длится шестнадцать часов, я восемь лет без отпуска, у меня один выходной, болею я тоже на работе. И если вы найдете другую дуру, которая станет работать на таких условиях столько лет — бог в помощь, но вот конкретно сейчас я ничем не могу вам помочь.

— Но это неприемлемо, я просто забыл вам сказать днем, так что же теперь, если завтра они приедут с утра, а я...

— Спокойной ночи, Сергей Станиславович. Заведите себе ежедневник.

Завтра я заберу оттуда свою чашку, оставлю ключи от служебной машины и уйду. Больше никто не будет мной помыкать, никто не станет заставлять меня работать сутками, не будет беспокоить ночными звонками. Я пойду к нотариусу, оформлю собственность, потом к маникюрше — не хочу, чтобы патологоанатом считал меня неряхой, поеду посмотрю на Марконова — и в путь. Хватит с меня этого дерьма!

Я иду на кухню и варю себе какао. Сейчас мне уже не надо беспокоиться о том, что сладкое какао с булочками слишком калорийно — я сто лет не пила его из соображений сохранения более-менее приемлемой фигуры, и булочки принесла только для близнецов, в их телах калории сгорают мгновенно. Но мое тело завтра превратится во что-то малопривлекательное, и его размер будет уже неважен. Уффф, до чего же вкусно...

— Ма, принеси и нам какао! И булочек!

Это, унюхав запах какао, голосит кто-то из моих троглодитов. Что ж, ребята, я выбрасываю белый флаг — войне конец. Я уже и забыла, как сильно вас люблю — а вы точно забыли, что я когда-то целовала вас на ночь, устраивала вам кукольный театр, пела песни, а вы прижимались ко мне с двух сторон и тихонько сопели. Мы долго воевали — и войну начали вы, но я ее закончу. Я уйду — я вам больше не нужна. Я никому больше не нужна, вот уже скоро двадцать лет. Я очень боялась смерти, когда вы были маленькими — боялась оставить вас одних, беззащитных и слабых. Я делала все, чтобы вы были сыты, одеты-обуты, чтоб у вас было все, что есть у других детей, а то и больше. И я все это вам обеспечивала. Но сейчас вы выросли и всем своим видом и поступками даете мне понять, что я в вашем уравнении совсем лишняя величина — я все надеялась, что это как-то изменится, но оно не менялось и не менялось, хоть бы что я ни делала. И если дома был только кто-то один из вас, я могла побыть ему матерью — каждому в отдельности. И это был мой ребенок — добрый, даже нежный. Но когда вы вдвоем, вы словно соревнуетесь между собой, кто измыслит более изощренный способ причинить мне боль. И мне этого больше не вынести, я не могу больше воевать с вами, и не хочу, потому что я люблю вас обоих так, как никого на свете. Правда, поймете вы это гораздо позже, но поймете непременно.

Теплый душ — наверное, уже последний в моей жизни.

Почему люди кончают с собой? Говорят, что это слабость, эгоизм, бог знает, что еще. Может, это и верно отчасти, но в основном люди уходят оттого, что тупик. Некуда идти, просто — некуда, нет выхода, *no exit!* — и баста, карапузики, уж эта дверь всегда открыта. Церковь, конечно, осуждает — ну, да Бог сам разберется, я считаю, не такой он дурак, чтобы всех под одну гребен-

ку. Хотя глупо, конечно, от несчастной любви бросаться с моста, но боль сильна, и последнее перышко сломало спину верблюда. Главное, как-то дать детям понять, что это не из-за них, и чтоб никаких траурных маршей на похоронах. Ну, я что-то придумаю, время еще есть.

— Она стрескала все одна, Дэн.

— Да, говорят, у одиноких женщин иногда бывает хороший аппетит. Ай, горячо же! Какао долго остывает...

— Надо ее замуж выдать, что ли.

— И кто рискнет?

— Да... такого камикадзе нам найти не удастся.

Они знают, что я слышу это.

Я не помню, когда это началось. Просто в какой-то момент Матвей, глядя мне в глаза, спросил:

— А что ты мне сделаешь, если я не послушаюсь?

Мои объяснения насчет того, что поступать по-людски нужно не потому, что с тобой что-то могут сделать, а в принципе, не имели успеха. И с того момента они словно испытывают, как далеко могут зайти. Их двое, а я одна.

Я всегда одна. Давно уже. И теперь вот — Марконов. Не самый красивый, не самый молодой, но вдруг мне очень нужный. Я люблю смотреть, как он пьет чай — в огромных, просто промышленных масштабах. Ну, это неудивительно, он чайный король. Я люблю наблюдать, как он смотрит новости или лениво просит: расскажи мне что-нибудь, а я решу, интересно мне это или нет. И его глубоко посаженные голубые глаза смотрят иронично и весело. Он любит играть в теннис и дразнит меня — женщина с больной спиной в теннис не играет! Он ходит на лыжах и ездит в Швецию на какой-то марафон... А я эту Швецию только на картинках видела. Я вообще все видела только на картинках и рядом с ним чувствую себя дворняжкой, пригретой из милости, — возможно, это так и есть.

Конечно, я этого не показываю, мы же друзья — Марконов делится со мной какими-то своими мыслями и таскает к врачам и в бассейн, иногда я ночую в его гостевой спальне, но это все. И когда мы, попив чаю и поговорив, расходимся по комнатам, он понятия не имеет, что я потом полночи рыдаю. Потому что он меня как женщину не видит вообще, в упор. Я просто хороший друг, а это очень больно, когда любишь.

А дома близнецы. И на работе шеф. И восемнадцать лет назад погиб Клим. И постоянное балансирование на грани гуманитарной катастрофы — главное, чтобы никто не знал, на вид-то у меня все зашибись, остальное спрячем.

И нет ни солнца, ни облаков, ни ветра. Никогда нет, в принципе. Какая там Швеция...

— Люша, ты спишь?

Это Марконов. У него есть собачка — Люша, и когда мы полгода назад начали с ним общаться, он стал называть меня так, а потом я узнала о собачке. Он, конечно, не специально — и собачка живет у его бывшей пассии, хотя он любит ее... Собачку, в смысле. Хотя, наверное, и пассию тоже. Но я отзываюсь на эту кличку, почему нет? Собаки — милейшие люди, чего обижаться.

— Почти. Только что из душа.

— Все в порядке?

— Ага.

Он никогда не говорит «в порядке» — только «в порядке», но мне нравится. Мне все в нем нравится.

— Давай завтра пообедаем, я заеду.

— Ага, позвони. Я не знаю, где я буду.

Марконов хмыкнул и отключился. Господи, за что мне это? Я вот одного не понимаю: а что, мой план на счет личного счастья у вас на небесах считается чем-то ненормальным, что меня вот так мордой в грязь надо каждый раз макать? Иначе как объяснить тот факт, что

за всю жизнь, с тех пор, как погиб Клим, мне ни разу не встретился нормальный мужик? А когда наконец появился Марконов, то я оказалась ему не нужна. Как он говорил: если нет «химии», внутренний мир уже не интересует, а со мной у него этой «химии» нет, хотя мой внутренний мир он регулярно ковыряет в поисках новых впечатлений. Марконову скучновато, а я его забавляю.

Он интересуется моими мыслями по разным вопросам, а мне бы хотелось, чтоб мои сиськи его тоже интересовали. Какая-то «химия» наоборот у нас с ним. Правда, мне совсем не весело от этого, потому что как-то зимой я гостила у него и вечером намазала ему лицо специальной мазью от трещин — на лыжах он перемерз, и его лицо с немного отросшей щетиной было совсем рядом, я касалась его пальцами, а он сказал:

— Спасибо, Люша, ты настоящий друг.

И я, пожелав ему доброй ночи, ушла на свою кровать в гостевую спальню. Я даже плакать тогда не могла. И поняла, что больше не могу это выносить. И пусть теперь шеф звонит, как маньяк, пусть близнецы соревнуются в придумывании для меня новых пыток — завтра все закончится.

Загромыхала музыка — близнецы решили меня ползить. Знают же, что я не выношу этого грохота. Боль в спине становится совсем невыносимой, голова трещит от непролитых слез, в глаза словно кто-то песка насыпал, и очень пить хочется, но встать тяжело — спина очень болит.

— Ладно же.

Я сползаю с кровати и на четвереньках отправляюсь на кухню. Когда у человека межпозвоночная грыжа, он часто передвигается вот так, а у меня эта самая грыжа и есть, и иногда я тоже ползаю под смешки близнецов. Да, они правы, труд сделал из обезьяны че-

ловека, а из меня — четвероногое. Как вышло, что им весело, когда мне больно? Я не знаю. А теперь оно уже и неважно.

Чашка стоит на столе, и до нее нужно дотянуться — но боль в пояснице настолько сильная, что подняться я не могу, а рука не достает. Вот так если, чуть-чуть...

Кто-то очень умный изобрел неразбивающиеся чашки. Музыка грохочет в висках, чашка на полу, а боль в пояснице пронизывает все тело. И хочется пить. И некуда идти, тупик. Просто некуда идти.

Я склоняюсь на табурет, опираюсь об него грудью — и поднимаю чашку. Только пользы никакой, до крапа я не дотянусь, надо встать, а встать я не могу. Там, на полке, лекарства — и до них я дотянуться не могу. А мне нужно быть на ногах, завтра — обязательно. Много дел перед смертью накопилось, вот что.

В дверь звонят неистово и долго — но я не могу открыть. Музыка громыхает в каждом ударе сердца, стены плывут, я словно на карусели — и тошнит так, словно токсикоз начался или мармеладку съела. И звонок в дверь рвет мне мозг в клочья.

— Дэн, открой, что ли, — маман объявила забастовку.

Я слышу Денькины шаги, потом щелкнул замок, слышен голос соседки — она кричит, Денька что-то ей отвечает, но все это словно сквозь вату. А потом меня вырвало, из носа хлынула кровь. Я не знаю, что со мной — возможно, Бог меня услышал и решил не доводить до греха, забрать как есть.

— Мать, ты что?.. Дэн, брось эту суку и тащи сюда свою задницу!

Матвей пытается меня поднять, но боль в спине становится совсем невыносимой.

— Не надо... Иди к себе, сынок, я сама.

— Мам, ну ты что?

— Иди, идите оба к себе, я...

Близнецы поднимают меня, Денька вытирает лицо мокрым полотенцем.

— Мам, ну ты что это?..

— Надо «неотложку» вызвать, — Матвей испуганно смотрит на меня. — Дэн, будь с ней, я сейчас...

— Не надо. Идите оба к себе, я сама.

— Ага. Ты все сама.

Боль в спине тяжелая и густая, дышать нечем, и мир вокруг отчего-то серый и кружится.

— Едут уже, давай перенесем ее в спальню.

— Мэтт, у нее спина снова болит, как перенесем?

— Неси дачный матрац.

— Эй, ребята, вы меня слышали? Идите к себе, я в порядке.

Меня никто не слышит. Матвей кладет на пол дачный матрац, живущий у нас на балконе — все не отвезем никак. Они поднимают меня на матраце и тащат в спальню. В дверь звонят.

— Быстро приехали.

А мне уже плевать — голова кружится и снова тошнит. И кровь из носа хлещет очень противно, и все бы ничего, если б не спина, в которую словно кто-то вогнал нож и теперь ворочает его в ране.

— Гипертонический криз. — Молодой врач снимает с моего плеча черную манжету. — Ира, магнезию давай и димедрол. Вот, откройте рот, таблетку под язык.

— Обрушим ведь, Слава.

— Не обрушим, верхнее — сто восемьдесят.

Близнецы растерянно топчутся у двери.

— Что еще беспокоит?

— Поясница болит... Но это постоянно, просто сегодня сильно.

— Тяжести потаскали? Блокаду сейчас нельзя.

— И не надо.

Мир перестал кружиться, но пить хочется по-прежнему.